

Иран и ШОС: неоправданное безразличие

Нынешний саммит Шанхайской организации сотрудничества, открывающийся в Душанбе 11 сентября, — своеобразный юбилей для президента Хасана Роухани. Год назад на саммите этой организации в Бишкеке состоялся его первый выход в «большой политический свет» в качестве избранного главы Исламской республики. Изменилось ли что-нибудь и в самой ШОС, и в отношениях с ней Ирана, а главное — каковы перспективы сотрудничества Тегерана с этой организацией? Вопрос далеко не праздный, поскольку положительный ответ на него многое может изменить в международных и региональных политических «раскладах».

Успехом Ирана на прошлогоднем саммите безусловно можно было считать принятую итоговую декларацию, в которой «ядерное досье» Тегерана упоминалось отдельно: «Государства-члены выражают озабоченность ситуацией вокруг Ирана и его ядерной программы. Они считают угрозы применения военной силы и односторонние санкционные меры отдельных государств против этой страны неприемлемыми. Снятие всех имеющихся озабоченностей возможно исключительно мирными средствами на основе принципов поэтапности и взаимности».

В переводе с языка официальных документов на нормальный человеческий язык это означало, что страны-участницы ШОС не считают себя обязанными поддерживать односторонние санкции в отношении Ирана, принятые США и их союзниками. Более того, ключевые участники Организации — Россия и Китай — заявили о том, что готовы видеть Иран активным участником совместных экономических проектов. Но принципиальный вопрос — о полноправном членстве Тегерана в ШОС, тогда не был решен, поскольку преодолеть пункт о том, что страна, находящаяся под международными санкциями, членом Организации быть не может, так и не удалось.

За прошедший год многое изменилось и в самом Иране, и вокруг Исламской республики, да и в мире в целом. Проблемы безопасности в регионе Ближнего и Среднего Востока стали еще острее. Россия сама оказалась под действием западных санкций. Экономическое противостояние Китая с США и его союзниками в Юго-Восточной Азии продолжает нарастать. А кроме того, появились два новых серьезных фактора, серьезно влияющих на региональные «расклады» и ту геополитическую игру, которая ведется вокруг сохранения западного контроля над регионом: во-первых, обрел вполне реальные очертания Евразийский Экономический Союз. Во-вторых, новое поколение китайских руководителей во главе с Председателем

КНР Си Цзиньпином не только выдвинули, но и приступили к реализации концепции «экономического пространства Великого Шелкового пути», в которой Ирану отводится одна из ключевых ролей.

Вывод, казалось бы, однозначен — участие Ирана в ШОС является теперь уже не просто инициативой Тегерана, но и настоятельной потребностью дальнейшего развития самой Шанхайской организации сотрудничества. Один из учредителей Организации — Россия — сама оказалась объектом санкционной агрессии. Казалось бы, все препятствия для участия Ирана сняты, но так именно что лишь кажется.

Астана и Москва никак не могут отказаться от навязанного Западом видения Ирана не как партнера, а как, ни много, ни мало, стратегического конкурента. Именно из-за этого при формировании повестки предстоящего саммита заявка Ирана вновь была отклонена. Причем, с потрясающей формулировкой — в связи с тем, что «Иран находится под санкциями!» Как будто Россия не находится под санкциями! Эти опасения еще и подпитываются регулярными информационными вбросами, которые «пятая колонна» делает через свои СМИ, через прикормленных, но полностью невежественных политиков и журналистов.

Кое-что об американской заинтересованности в делах ШОС

Проблема полноправного членства Ирана в ШОС, как выясняется, стала предметом самого пристального влияния американской дипломатии. Хорошо информированные источники сообщают, что еще месяц назад высокопоставленные дипломаты США проводили зондажные беседы со своими китайскими и российскими коллегами, пытаясь выяснить, не обернется ли саммит Душанбе неприятным сюрпризом для «иранского направления» внешней политики администрации Барака Обамы. В частности, российской стороне намекалось, что дескать, мы, США, не стали форсировать вопрос о предоставлении членства в НАТО Украине и Грузии, соответственно, ждем аналогичных «шагов доброй воли» в отношении вопроса с членством Ирана.

Китайским коллегам давалось понять, что шаги по углублению сотрудничества Ирана с Шанхайской организацией могут серьезно повлиять на ведущиеся переговоры по «ядерному досье», которые, утверждали американские дипломаты, вот-вот закончатся положительным результатом. Дескать, мы, США, вовсе даже и не против прирастания ШОС Тегераном, вот только чуть позже, потом, как-нибудь в другой раз.

Старая традиция американской дипломатии — лгать и запутывать, использовать двойные стандарты и переворачивать реальное положение дел «с ног на голову» — в период президентства Барака Обамы достигла невиданных ранее высот, не зря же главного дипломата США Джона Керри за глаза иначе как «Лгунишка Керри» не называ-

Старая традиция американской дипломатии — лгать и запутывать, использовать двойные стандарты и переворачивать реальное положение дел «с ног на голову»

ют. Так и в этих зондажных беседах американские дипломаты, следуя составленным в Госдепартаменте США инструкциям, откровенно лукавили. Членство Украины и Грузии в НАТО на прошедшем в начале месяца саммите Североатлантического альянса в Уэльсе не состоялось по причинам, совершенно далеким от «доброй воли» США, и, если здесь кого-то и можно благодарить, то только здравомыслящих европейцев. Что же касается «влияния на переговоры по ядерной программе», то вина за их затягивание, а, следовательно, и за сохранение санкционного режима в отношении Тегерана, полностью лежит на США и их поделщиках по переговорному процессу — Великобритании и Франции. Более того, развязанная Западом «санкционная война» против России окончательно показала всему миру, что санкции Запада никакого отношения к «борьбе за мир во всем мире не имеют», а являются оружием против неугодных режимов, осмеливающихся идти против воли Вашингтона и Брюсселя.

Поэтому истинная причина американского противодействия «прирастанию ШОС Ираном» кроется отнюдь не в мифической заботе США о ходе переговоров по ядерному досье. И уж тем более не в каких-то «шагах доброй воли». Стратегическая ось Москва-Тегеран-Пекин является настоящим кошмаром для американской дипломатии, означает крах надежд на установление тотального контроля над Средним Востоком и, соответственно, над путями транспортировки ресурсов. Потому Вашингтон использует любую малейшую лазейку для создания препятствий возникновению этой оси. И интриги вокруг ШОС — такое же поле битвы против союза наших стран, как и остальные вопросы — от ситуации в Сирии и Ираке до экономических контрактов.

Итоги года Хасана Роухани и «турецкий фактор»

После создания Евразийского экономического союза и начала реализации китайским руководством концепции «экономического пространства Великого Шелкового пути» поле для антииранских маневров Запада на Среднем Востоке и в Центральной Азии существенно сократилось. Грамотные и осмысленные военно-политические шаги Москвы по «привязыванию к себе» национальных оборонительных структур стран Центральной Азии, помноженные на усилия Пекина по экономическому развитию региона, пусть пока и несколько односторонние, создают предпосылки для серьезного сокращения западного влияния. Но эти благоприятные для Тегерана факторы весь год, прошедший с Бишкекского саммита ШОС, использовались администрацией Роухани явно не в полном объеме.

Понятно, что нельзя одновременно быть сильным на всех направлениях, как понятно и то, что основной, да, пожалуй, и единственной программной установкой, с которой Хасан Роухани и его команда шли на выборы, являлось снятие западных санкций либо существенное их ослабление. Второй по значимости внешнеполитической задачей команда нынешнего иранского президента считала снижение «градуса напряженности» в отношениях с Саудовской Аравией, развернувшей под лозунгом борьбы с шиитской экспансией в регионе полномасштабную «холодную войну», которая, по сути, давно уже перешла в войну «горячую».

Преследуя две эти, как тогда виделось в Тегеране, главные цели, администрация Роухани не только вела себя на других «внешнеполитических

направлениях» достаточно сдержанно, но и откровенно меньше стала уделять внимание своему присутствию в Центральной Азии. Как следствие, не только серьезно сократились объемы товарооборота с этими странами, но и снизилась активность иранской дипломатии в отношении развития партнерства с ШОС. И сегодня, и год, и два назад было и остается наивным ожидать, что ШОС будет проводить какой-то особый «антизападный курс», который автоматически обеспечит Ирану постоянное членство в организации хотя бы по принципиальным антиамериканским соображениям. Но предприимчивость, участие в региональных проектах и тонкая дипломатическая игра, всегда бывшая сильной стороной Тегерана, вполне могли бы сформировать особый статус Ирана в ШОС. Не случилось. Администрация Роухани, с одной стороны, явно переоценила стремление Запада к диалогу с Тегераном (или, если уж называть вещи своими именами, откровенно «подкупились» на показное дружелюбие Вашингтона, бывшее не более чем политической игрой). С другой — сократила свои усилия в таких внешнеполитических проектах, как, например, ШОС, которые отчего-то казались новому иранскому руководству не особо перспективными.

К сожалению, всего этого не произошло, и теперь на статус «особого партнера» как с ШОС, так и с Евразийским экономическим союзом претендует Анкара, которая действует в этом направлении достаточно настойчиво и грамотно. И в ходе своей избирательной кампании на президентских выборах, и уже после нее Реджеп Эрдоган достаточно откровенно заявлял, что политические цели Анкары на Среднем Востоке и в Центральной Азии, в отношениях с ШОС и ЕвразЭС заключаются в расширении влияния Турции в «тюркском мире», который является неотъемлемой и значительной частью региона.

Но обсуждая инициативы Турции в отношении расширения участия Анкары в ЕвразЭС и ШОС, следует учитывать, что выгоды от этого «расширенного участия» получит по абсолютному большинству позиций именно Анкара. Основное предложение Турции, то самое «тесное сотрудничество», заключается только в создании зоны свободной торговли, под которую турки готовы даже перейти на национальные валюты во взаимных расчетах. Отмена таможенных барьеров будет означать увеличение турецкого экспорта и позволит Анкаре ставить вопрос о снижении для себя цен на российскую нефть и газ. Тем не менее, «особое партнерство» Турции носит достаточно ограниченный характер, и, конечно же, для ЕвразЭС и ШОС, исходя из задач этих интеграционных объединений, дает меньше, чем могло бы сотрудничество с Ираном. Очевидно, что ни один из серьезных экономических проектов ШОС, ни один из вызовов безопасности его участников не может быть решен достаточно эффективно без кооперации с Тегераном.

Афганистан не стал безопаснее, и Китай, Индия, участники ШОС могут обеспечить полноценную защиту своих инвестиций в эту страну только в сотрудничестве с Ираном. Как в сотрудничестве с ним Россия может наконец-то приступить к эффективному противостоянию продолжающейся афганской «наркоэкспансии». Поддержка Ираном идеи Банка развития ШОС и участие Тегерана в Межбанковском объединении Шанхайской организации вполне может стать началом работы Исламской республики в конкретных региональных экономических проектах, от планов строи-

тельства трансрегиональной транспортной инфраструктуры до участия в российско-китайском проекте создания системы персональной подвижной спутниковой связи, тем более что в этой высокотехнологичной отрасли Ирану есть что предложить. Вышеперечисленное и многое другое для кооперации с ШОС Иран мог бы предложить даже и в формате «особого партнерства».

Двери в ШОС для Ирана остаются открытыми, а политические препятствия становятся не такими уж непреодолимыми, как казалось еще год назад. Остается только надеяться, что адекватно оценив обстановку на других направлениях, нынешняя президентская администрация Хасана Роухани сделает верный вывод о необходимости и неизбежности для Тегерана расширения своего участия в ШОС. В конце концов даже формулирование «особого статуса» страны-участницы требует дипломатической инициативы и тщательной проработки. Почему бы Ирану не начать эту работу с остальными странами-участницами прямо сейчас, на полях саммита Шанхайской организации в Душанбе?